

КНИГА

НА ВСЕ
ВРЕМЕНА

Пелам Гренвилл ВУДХАУС

На помощь,
Дживс!

Дживс и Вустер

Пелам Гренвилл Вудхаус

На помощь, Дживс!

«АСТ»

1960

Вудхаус П.

На помощь, Дживс! / П. Вудхаус — «АСТ», 1960 — (Дживс и Вустер)

ISBN 978-5-17-063248-0

Самый прославленный сериал Вудхауса. Роман, который вот уже много десятилетий по праву считается абсолютной классикой английской юмористической прозы. Верный слуга Дживс отправляется в отпуск. Лишившись на время своего ангела-хранителя, Берти Вустер находит приют в загородном поместье тети Далии, где он оказывается в компании бывшей невесты, экстравагантного юноши по кличке Бродвейский Уилли и учителя, когда-то досаждавшего маленькому Берти. И конечно же, мистеру Вустеру не избежать ловушек и каверз, которые приготовила ему судьба, а уж когда в доме обнаруживается пропажа серебряного сливочника, Берти попадает в самый центр скандальной истории.

ISBN 978-5-17-063248-0

© Вудхаус П., 1960

© АСТ, 1960

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Пелам Гренвилл Вудхаус

На помощь, Дживс!

Глава 1

Дживс поставил скворчащую яичницу с беконом на стол, и мы с Реджинальдом Сельдингом – по прозвищу Селедка – схватили вилки и ножи и принялись с жадностью уплетать завтрак. Сельдинг – мой друг с незапамятных времен, нас с ним связывают неизгладимые воспоминания, вроде бы так их принято именовать. Много лет назад, в нежном возрасте, мы вместе отбывали срок в Малверн-Хаусе в Брамли-он-Си – приготовительной школе, руководимой непревзойденнейшим злодеем всех времен и народов, магистром гуманитарных наук Обри Апджоном, и частенько ждали вместе в кабинете Апджона, когда он влепит нам полдюжины горячих тростью, которая, по известному выражению, кусает, как змей, и жалит, как аспид. Так что мы привязаны друг к другу, как два старых вояки, сражавшихся плечом к плечу в День святого Криспина, если только я не перепутал этого Криспина с кем-то еще.

Мы мигом очистили тарелки, залили горячий бекон укрепляющим дух и тело кофе, и я уже потянулся за мармеладом, но тут услышал верещание телефона в холле. Я поднялся из-за стола и снял трубку.

– Резиденция Бертрама Вустера, – произнес я. – Вустер у аппарата. А, привет, – добавил я, ибо голос, гудевший на другом конце провода, принадлежал миссис Томас Портарлингтон Траверс из Бринкли-Корта, Маркет-Снодсбери, под Дройтвичем, или, говоря проще, моей обожаемой тетушке Далии. – Сердечно приветствую вас, дражайшая родственница, – сказал я. Я действительно был рад ее звонку: с этой дамой я всегда готов почесать языком.

– У-лю-лю! – услышал я знакомый охотничий клич. – Как поживаешь, юный осквернитель пейзажа? – ласково осведомилась она. – С чего это ты так рано поднялся? Или еще не ложился после ночного загула?

Я поспешил опровергнуть клеветнические обвинения:

– Пальцем в небо. Никаких загулов. Уже неделя, как я встаю с жаворонками, чтобы составить компанию Селедке. Он сейчас живет у меня, его новая квартира еще не готова. Помнишь Селедку? Я как-то летом привозил его в Бринкли. Ну этот, с боксерским ухом.

– Теперь вспомнила. Похож на Джека Демпси.

– Точно. Даже больше, чем сам Джек Демпси. Он теперь штатный сотрудник «Рецензий по четвергам», есть такой еженедельник, может, вы знаете, и в связи с этим встречается расцвет уже в редакции. Когда я сообщу ему, что вы звонили, уверен, он пошлет вам нежнейший поклон, ибо испытывает к вам самое глубокое уважение. «Непревзойденное гостеприимство» – вот как он обычно о вас вспоминает. До чего же я рад снова слышать ваш голос, несравненная родственница. А как дела в Маркет-Снодсбери?

– Живем помаленьку. Но я сейчас говорю не из Бринкли. Я в Лондоне.

– И надолго?

– Сегодня же вечером обратно.

– Тогда приглашаю вас на обед.

– Извини, сегодня не получится. Я договорилась перекусить с сэром Родериком Глоссомпом.

Ну и ну. Вот уж с кем бы я ни за что не согласился обедать, так с этим знаменитым психиатром; по правде говоря, мы с ним в натянутых отношениях с той самой ночи в доме леди Уикем в Хартфордшире, когда я, по наущению хозяйской дочери Роберты, в сладкий предрассветный час проткнул его грелку шилом. Без злого умысла, конечно. Я хотел продырявить

грелку его племянника, Балбеса Глоссопа, с которым с тех пор нахожусь в состоянии войны, – а они возьми да и поменяйся комнатами. Прискорбное недоразумение, какие, к сожалению, нередко случаются в жизни.

– Бог мой, зачем вам это надо?

– Почему бы и нет? Он угощает.

С этим доводом нельзя было не согласиться: сэкономил – как на дороге нашел, но я все равно не мог ее понять. Чертовщина какая-то: тетушка Далия, вроде бы сама себе голова, по собственной воле готова принимать дневной рацион в обществе этой грозы психов. Однако теток надо принимать такими, какие они есть, это один из первых уроков, которые мы извлекаем из жизни, и поэтому я лишь пожал плечами.

– Что ж, дело ваше, но, по-моему, вы поступаете опрометчиво. Вы, стало быть, прискакали в Лондон лишь затем, чтобы покутить с Глоссопом?

– Нет, я приехала забрать нашего нового дворецкого.

– Нового дворецкого? А что случилось с Сеппингсом?

– Сеппингс нас покинул, Берти.

Я огорченно прищелкнул языком. Мне очень нравился теткин мажордом, немало портвейна выпил я в его буфетной, и эта новость меня расстроила.

– Да что вы говорите, – сказал я. – То-то мне показалось, что он неважно выглядит, когда я последний раз его видел. Да, вот она – жизнь. Все прах и тлен на свете.

– Он уехал в Богнор-Реджис, у него отпуск.

Я с облегчением прищелкнул языком.

– Ах вот как. Тогда другое дело. В последнее время эти краугольные камни домашнего очага завели обыкновение уезжать бог знает куда во время отпуска. Прямо великое переселение народов в Средние века, про которое мне рассказывал Дживс. Кстати, и сам Дживс с сегодняшнего дня в отпуске. Едет в Херн-Бей ловить креветок, и я уже чувствую себя, как тот горемыка из поэмы, который лишился своей любимой газели – или какое там у него было домашнее животное. Просто не знаю, что я стану без него делать.

– Зато я знаю. У тебя есть чистая рубашка?

– Даже несколько.

– А зубная щетка?

– Две, и обе превосходного качества.

– Тогда положи все это в чемодан. Завтра ты переезжаешь в Бринкли.

Тоска, которая, подобно туману, окутывает душу Бертрама Вустера всякий раз, когда Дживс убывает в ежегодный отпуск, тотчас рассеялась. Мало что на свете может сравниться с удовольствием погостить в поместье тетушки Далии. Живописнейшая природа, песчаная почва, все мыслимые удобства, включая канализацию и водопровод, и, что самое главное, превосходная кухня настоящего французского повара Анатоля, истинный праздник для желудка гурмана. Словом, все, о чем можно лишь мечтать.

– С превеликим наслаждением! – воскликнул я. – Вы избавили меня от всех забот и, как факир, выпустили из рукава синюю птицу счастья. Можете не сомневаться: завтра же после полудня вы будете иметь удовольствие наблюдать, как я подкачу в моем спортивном авто, с пробором в волосах и с песней на устах. Мне почему-то кажется, что мое присутствие подвигнет Анатоля к новым высотам в кулинарных свершениях. Кто-нибудь еще гостит в вашем бедламe?

– Еще пятеро.

– Пятеро? Ничего себе! – Я снова пощелкал языком. – Дядя Том наверняка в бешенстве, – заметил я, зная, что старикан терпеть не может гостей. Даже один-единственный постоялец, захвативший на уик-энд, порой вышибает его из колеи.

– Том уехал на воды в Харрогит с Артроузом.

– С артрозом? Вы хотите сказать – с радикулитом?

Я считал, что у него радикулит.

– Да не с артрозом, а с Артроузом! С Хомером Артроузом. Это американский магнат, сподобившийся посетить наши палестины. Страдает от язвы желудка, и врач прописал ему минеральные воды в Харрогите. Том отправился с ним, чтобы держать его за руку во время процедур и выслушивать по вечерам жалобы на отвратительный вкус пойла, которое ему приходится глотать днем.

– Очень антагонистично.

– Как?

– Я хотел сказать – очень альтруистично с его стороны. Вряд ли вы знаете это слово, я сам его недавно услышал от Дживса. Это когда один человек проявляет к другому бескорыстное участие, не жалея времени и сил.

– Бескорыстное? Как бы не так! Том хочет заключить с Артроузом очень выгодную сделку. Если это удастся, он сорвет большой куш, не облагаемый подоходным налогом. Поэтому он лебезит перед ним, как начинающая актриса перед голливудским продюсером.

Я понимающе кивнул, хотя мог и не трудиться – все равно она меня не видит. Мне не составило никакого труда воссоздать ход мыслей мужа моей тетки. Т. Портарлингтон Траверс сколотил себе состояние, которого вполне хватило бы на семерых, но при этом постоянно озабочен тем, как бы еще добавить в кубышку хоть малую толику, полагая – и совершенно справедливо, – что всякая толика, добавленная к уже имеющемуся, делает кубышку на толику полнее. А уж в чем ему нет равных, так это в умении уклоняться от уплаты налогов: каждый пенс, который государству удастся из него вытянуть, он оплакивает, как собственного сына.

– Вот почему на прощание он заклинал меня всячески ублажать миссис Артроуз и ее сына Уилли и обращаться с ними, как с королевскими особами. Так что они теперь окопались в Бринкли.

– Вы говорите, его зовут Уилли?

– Уменьшительное от Уилберта.

Я задумался. Уилли Артроуз. Вроде бы знакомое имя. То ли я его где-то слышал, то ли в газетах мелькнуло. Но где, не помню.

– Адела Артроуз пишет детективные романы. Ты не поклонник ее творчества? Как только приедешь, придется штудировать ее романы, в таких делах не следует пренебрегать и малым. У меня есть полное собрание ее сочинений. Она превосходно пишет.

– С удовольствием готов прочесть все, что она настряпала, – ответил я, будучи – черт, как это называется по-испански? – афи-кто-то остросюжетного читива. Кажется, афишинадо¹. – Особенно если там парочка-другая трупов. Стало быть, мы установили, что в числе ваших постояльцев числятся миссис Артроуз и ее сын Уилберт. Кто еще?

– Леди Уикем с дочерью Робертой.

Я пошатнулся, словно чья-то невидимая рука нанесла мне удар под ложечку.

– Как? Бобби Уикем? Только этого не хватало!

– Что это ты так всполошился? Ты ее знаешь?

– Еще бы мне ее не знать!

– А, понимаю. Она что, из легиона девиц, с которыми ты когда-то был помолвлен?

– Не совсем. Формально мы не были помолвлены. Но лишь потому, что она не захотела пойти мне навстречу.

– То есть дала от ворот поворот.

– Слава Богу, да.

– Почему слава Богу? По-моему, очень эффектная барышня.

¹ Aficionado – страстный любитель (исп.).

- Согласен, ее внешность не оскорбляет глаз.
- Красавица.
- Совершенно справедливо, но разве красота – все? Душа, по-вашему, не в счет?
- А что, по части души имеются претензии?
- Увы. Душа на уровне гораздо ниже среднестатистического. Могу вам сказать, что...

Впрочем, довольно об этом. Зачем бередить раны.

Я мог бы назвать не менее сотни причин, по которым любой разумный индивид, пекущийся о своем душевном покое, предпочтет держаться подальше от вышеупомянутой рыжеволосой фурии, но это заняло бы слишком много времени, а мне не терпелось вернуться к мармеладу. Скажу лишь, что я давно уже очнулся от гипноза и всецело осознал, что, отклонив мое предложение прошесть к алтарю в стае подружек невесты, юная леди оказала мне неоценимую услугу, и вот почему.

Когда тетя Далия назвала этого беса в юбке красавицей, она ничуть не погрешила против истины. В самом деле, ее внешняя оболочка того сорта, что заставляет случайного наблюдателя качнуться на каблуках и присвистнуть от восхищения. Но, обладая глазами, сияющими, как звезды, волосами оттенка спелой вишни, неотразимым шармом, *espieglerie*² и прочими необходимыми аксессуарами, Б. Уикем сочетает с ними непредсказуемость бомбы с часовым механизмом. Находясь в ее обществе, постоянно испытываешь тоскливое чувство, что вот-вот все с треском полетит к чертовой бабушке. Никогда не знаешь, что она может выкинуть и в какую невообразимую передрыгу влипнешь по милости ее легкомыслия.

– Мисс Уикем недостает серьезности, сэр, – предостерег меня Дживс, когда моя любовная лихорадка была в самом разгаре, – она ветрена и легкомысленна. Я бы не рискнул рекомендовать кому бы то ни было в качестве спутницы жизни юную леди с рыжими волосами столь яркого оттенка.

И он, как всегда, был прав. Я уже рассказывал, как она подговорила меня прокрасться в спальню сэра Родерика Глоссопа и проткнуть шилом его грелку, и это еще цветочки по сравнению с другими ее выходками. Короче говоря, Роберта, дочь покойного сэра Катберта и леди Уикем из Скелдингс-Холла, Хартс – суший динамит, и всякому, мечтающему о спокойной жизни, лучше держаться от нее подальше. Перспектива оказаться с ней под одной крышей, при всех тех возможностях, которые загородный дом предоставляет изобретательной девушке, чтобы втянуть своих друзей и близких в очередную заваруху, породила у меня серьезные сомнения и чуть было не заставила отказаться от поездки.

Не успел я оправиться от этого удара, как престарелая родственница нанесла следующий, и это был чистый нокдаун.

– И еще у нас гостит Обри Апджон со своей падчерицей Филлис Миллс, – сказала она. – Такая вот компания. Что с тобой? У тебя астма?

Очевидно, она спросила про астму, услышав хриплый стон, который сорвался с моих губ, и должен сознаться, что он весьма походил на предсмертный крик подстреленной дикой утки. Впрочем, такая моя реакция была вполне оправданной. Человек с более слабыми нервами взвыл бы на моем месте, как пожарная сирена. На ум пришли слова, которые сказал мне как-то Селедка. «Знаешь, Берти, – сказал он, находясь в философическом настроении, – нам с тобой есть за что благодарить судьбу. Как бы ни была сурова к нам жизнь, есть одна мысль, которая должна нас укреплять и поддерживать во всех наших невзгодах. Пусть над нашими головами сгущаются тучи и тьма скроет полуденное солнце; пусть в ботинке вылезет гвоздь или мы угодим под дождь без зонтика; спустившись к завтраку, мы можем обнаружить, что кто-то съел последнее яйцо всмятку; но при всем этом у нас всегда есть утешение, что мы никогда больше не увидим этого кровопийцу Обри Апджона. Вспоминай об этом в минуты

² Игривость (фр.).

уныния», – сказал он, и я всегда свято следовал его совету. И вдруг сейчас этот прохвост снова всплывает в моей жизни. Тут самый мужественный человек затрубит умирающим селезнем.

– Обри Апджон? – дрожащим голосом спросил я. – Тот самый Обри Апджон?

– Именно. После того как ты сбежал из его катажки, он женился на Джейн Миллис, моей подруге и обладательнице крупного состояния. Она умерла, у нее осталась дочь, моя крестница. Апджон вышел в отставку и занялся политикой. По последним слухам, местные политики собираются выдвинуть его кандидатом консерваторов от Маркет-Снодсбери на следующих дополнительных выборах. Тебе, наверное, любопытно будет снова с ним повидаться. Или, может, ты боишься?

– Разумеется, нет. Нас, Вустеров, не так легко запугать. Но какого дьявола вы пригласили его в Бринкли?

– Я и не приглашала. Мне хотелось повидать Филлис, а он сам навязался.

– Надо было его выставить.

– Духу не хватило.

– Слабеете, тетушка, слабеете...

– Кроме того, он мне нужен. Будет вручать призы школьникам в Маркет-Снодсбери. Нас, как всегда, известили в последнюю минуту, нужно произнести речь об идеалах и о взрослом мире, который ждет этих шалопаев за порогом школы, а Апджон идеально подходит для этой роли. Мне кажется, он превосходный оратор. Правда, он двух слов не свяжет, если у него с собой нет готового текста. Он называет это «свериться с тезисами». Мне Филлис рассказала. Она сама ему их перепечатывает.

– Это уж совсем неприлично, – сурово сказал я. – Я, например, никогда не поднимался выше исполнения «Свадебной песни пахаря» на сельских концертах, но, прежде чем предстать перед публикой, неизменно выучиваю текст назубок. Хотя в «Свадебной песне», если забыл слова, можно просто без конца повторять «Гоп-гоп-гоп, гей-гей-гей, еду к суженой своей». Короче говоря...

Я бы еще долго развивал эту тему, но тетка сказала, чтобы я перестал болтать вздор, и, любезно велев не разевать по дороге рот, дала отбой.

Глава 2

Я шел обратно к столу, и ноги у меня были как ватные. Да, видать, компания там подобралась неслабая. Одной Бобби Уикем хватило бы за глаза и за уши, с ее талантом баламутить все и вся и, что ни день, затевать новые авантюры, способные повергнуть в хаос весь цивилизованный мир. А тут еще Обри Апджон – нет, это явный перебор. Не знаю, заметил ли Селедка на моем лице «налет мысли бледной», как любит выражаться Дживс. Скорее всего не заметил, потому что он в этот миг был всецело поглощен тостами с мармеладом, но упомянутый налет, несомненно, на моем лице присутствовал. И, как это нередко случалось прежде, я вдруг ощутил на себе дыхание рока. Конечно, я не мог сказать, в какую именно форму отольется на сей раз его карающая воля, но внутренний голос шепнул мне, что Бертрам уже отмечен его печатью и в ближайшем будущем получит под дых.

– Тетя Далия звонила, – сказал я.

– Дай ей Бог здоровья, – сказал Селедка. – Достоянейшая из достойных. При цитировании ссылаться на источник разрешается. Никогда не забуду счастливые дни, проведенные в Бринкли. С удовольствием бы снова напросился на приглашение – готов посетить ее в любое удобное для нее время. Она что, в Лондоне?

– Сегодня возвращается в Бринкли.

– Надеюсь, мы успеем до отвала накормить твою любимую родственницу.

– Нет, она уже приглашена на обед. Будет щипать траву в обществе сэра Родерика Глоссопа, он специалист по психам. Ты ведь с ним незнаком?

– Нет, но ты мне про него рассказывал. Кошмарный тип, насколько я понял.

– Кошмарнее не бывает.

– Это он обнаружил у тебя в спальне двадцать четыре кошки?

– Двадцать три, – поправил я. Во всем люблю точность. – И это были не мои кошки. Их туда притащили мои кузены, Клод и Юстас. Но объяснить присутствие кошек в спальне оказалось не так-то просто. Глоссоп совсем не умеет слушать. Надеюсь, уж его-то я в Бринкли не встречу.

– А ты что, едешь в Бринкли?

– Завтра днем.

– Счастливчик.

– Ты думаешь? Я в этом далеко не уверен.

– Да ты спятил! Вспомни Анатоля! Вспомни его ужины! Слышал про Пери, что – безутешная – стоит у ворот Эдема?

– Дживс что-то рассказывал.

– Именно такие чувства испытываю я, когда вспоминаю ужины в исполнении Анатоля. Представлю, что он по-прежнему ежедневно творит чудеса, а меня там нет, и готов разрыдаться. Ты сам не понимаешь своего счастья. Бринкли-Корт – это рай на земле.

– Во многих отношениях действительно рай, но в настоящее время жизнь там имеет и целый ряд недостатков. Одно из тех мест, «где так совершенна природа, но низок и подл человек». Угадай, кто сейчас гостит в этом вертепе? Обри Апджон.

Видно было, что он потрясен. Глаза его широко раскрылись, недоеденный кусок тоста выпал из внезапно ослабевших рук.

– Тот самый Апджон? Ты шутишь!

– Ничуть. Он, собственной персоной. А ведь не далее как вчера ты пытался поддержать мой боевой дух заверениями, что я никогда больше его не увижу. «Пусть над нашими головами сгущаются тучи...» – помнится, говорил ты...

– Но как его занесло в Бринкли?

– Именно этот вопрос я задал моей дражайшей родственнице, и она представила объяснение, которое вполне удовлетворяет имеющимся фактам. Оказывается, после того, как мы сделали ему ручкой, он женился на тетушкиной подруге, некой Джейн Миллс, и получил в придачу падчерицу, Филлис Миллс, а Филлис Миллс – крестная дочь тетушки Далии. Тетя пригласила юную Миллс в Бринкли, ну и Апджон решил заодно прокатиться.

– Теперь понятно. Неудивительно, что ты дрожишь как осиновый лист.

– Не совсем как лист... Впрочем, ты прав – ощущение похожее. Как вспомнишь этот его рыбий взгляд...

– И широкую бритую верхнюю губу. Не слишком приятная перспектива – любоваться на это уродство за обеденным столом. А вот Филлис тебе понравится.

– Ты с ней знаком?

– Мы встречались в Швейцарии, на прошлое Рождество. Передай ей от меня большущий привет, ладно? Славная девушка, хотя умом не блещет. Никогда не говорила, что имеет отношение к Апджону.

– Ничего удивительного – любой нормальный человек постарается такое скрыть.

– Уж это точно. Все равно что быть в кровном родстве с отравителем Цезарем Борджиа. Какими ужасными помоями он нас кормил, когда мы отбывали срок в Малверн-Хаусе! Помнишь сосиски по воскресеньям? А вареную баранину с каперсами?

– А маргарин? Кстати, о маргарине – нелегко будет смотреть, как он набивает себе брюхо лучшим сливочным маслом в Англии. Скажите, Дживс, – спросил я, когда тот снова возник в комнате, чтобы убрать со стола, – вам ведь не доводилось посещать приготовительную школу на южном побережье Англии?

– Нет, сэр, я получил частное образование.

– Тогда вам нас не понять. Мы с мистером Сельдингом вспоминаем нашего учителя в приготовительной школе, Обри Апджона, магистра гуманитарных наук. Кстати, Селедка, тетя Далия мне о нем такое рассказала, мне бы сроду в голову не пришло: стыд, позор, все мыслящее человечество с презрением от него отвернется. Помнишь прочувствованные речи, с которыми он обращался к нам в конце каждого семестра? Так вот, он никогда бы не смог их произнести, если бы перед ним не лежал полный машинописный текст, и он его просто нам зачитывал. Без этих тезисов – как он их называет – он абсолютно беспомощен. Отвратительно, как вы считаете, Дживс?

– Насколько мне известно, многие ораторы испытывают те же затруднения.

– Вы слишком снисходительны, Дживс, слишком... Вам следует бороться с таким мягкотелым мировоззрением. Впрочем, я вспомнил про Апджона потому, что он снова возник в моей жизни, вернее, вот-вот возникнет. Он сейчас гостит в Бринкли, а завтра туда собираюсь я. Мне только что звонила тетя Далия, просит приехать. Вы не могли бы собрать мне все, что требуется?

– Хорошо, сэр.

– Когда вы отправляетесь в этот ваш Херн-Бей?

– Хотел уехать сегодня, утренним поездом, сэр, но если вам удобнее, чтобы я задержался до завтра...

– Нет-нет, можете ехать, когда хотите. А что смешного? – спросил я, когда Дживс закрыл за собой дверь, потому что Селедка беззвучно давился от смеха. Это не так-то просто, когда рот у тебя набит тостами с мармеладом, но он умудрился.

– Я думал об Апджоне, – сказал он.

Я был поражен. Совершенно невероятно, чтобы человек, некогда учившийся в Малверн-Хаусе, Брамли-он-Си, мог смеяться, пусть и беззвучно, вспоминая об этом прохвосте. Все равно что смеяться над инопланетными монстрами, которыми нас в последнее время пугают с киноэкрана.

– Завидую я тебе, Берти, – продолжал он, по-прежнему давясь от смеха. – Тебя ждет фантастическое удовольствие. Ты будешь присутствовать на завтраке в тот день, когда Апджон раскроет свежий номер «Рецензий по четвергам» и начнет просматривать рубрику, посвященную литературным новинкам. Должен тебе сказать, что среди книг, которые поступили к нам в редакцию, было и его сочинение – тоненькая брошюрка, в которой он превозносит роль приготовительных школ. Годы, которые мы провели в его школе, пишет он в этой книжонке, не только способствовали формированию гармоничных личностей, но и были самыми счастливыми в нашей жизни.

– Вот гад!

– Ему и в голову не приходило, что его детище попадет на рецензию к бывшему каторжанину из Малверн-Хауса. Послушай меня, Берти, это необходимо знать всякому молодому человеку. Не будь подонком: сколько бы подонки ни благоденствовали, все до поры до времени. Рано или поздно придет час расплаты. Вряд ли необходимо говорить тебе, что я камня на камне не оставил от омерзительной брошюрки. Мысль о воскресных сосисках наполняла мою душу праведным гневом Ювенала.

– Гневом кого?

– Не важно, ты его не знаешь. Давным-давно умер. Я ощутил прилив творческих сил. Обычно на подобную книгу я отвожу полторы строчки в колонке «Последние новинки», но этой я посвятил шестьсот слов вдохновеннейшей прозы. Вот почему я считаю, что тебе сказочно повезло – ведь ты сможешь увидеть его физиономию, когда он будет их читать.

– С чего ты так уверен, что он их прочтет?

– Он наш подписчик. В разделе «Нам пишут читатели» было опубликовано его письмо, где он особо подчеркивает, что много лет выписывает наш журнал.

– А ты подписал заметку?

– Нет. Главный не любит, когда такая мелкая сошка, как я, пытается вписать свое имя в скрижали.

– И что, ты его там здорово отделал?

– По первое число. Так что внимательно следи за ним во время завтрака. Интересно, как он будет реагировать. Готов поспорить, краска стыда и раскаяния на его щеках зардеет.

– Тут есть одна загвоздка – в Бринкли я никогда не спускаюсь к завтраку. Но ради такого случая готов на любые жертвы.

– Да уж, постарайся. Увидишь – дело того стоит, – сказал Селедка и вскоре ускакал добывать в поте лица свой хлеб насущный.

Минут через двадцать в комнату вошел Дживс со шляпой в руках, чтобы попрощаться. Торжественный миг, требующий огромного самообладания от нас обоих. Нам удалось сохранить присутствие духа и даже переброситься парой шуточных фраз. Когда он уже был в дверях, мне вдруг пришло в голову, что он может что-то знать – по своим каналам – про этого Уилберта Артроуза, о котором упоминала тетя Далия. Как мне уже не раз доводилось убедиться, Дживс знает все обо всех на свете.

– Еще полсекунды, Дживс, – сказал я.

– Сэр?

– Забыл спросить. Штука в том, что среди приглашенных в Бринкли будет некая миссис Хомер Артроуз, жена американского толстосума, и ее сын Уилберт, известный более как Уилли, и это имя – Уилли Артроуз – вызывает какой-то смутный отклик в струнах. Оно почему-то ассоциируется у меня с нашими поездками в Нью-Йорк, но в какой связи – понятия не имею. А вам оно ни о чем не говорит?

– Говорит, сэр. Об этом джентльмене часто пишут бульварные нью-йоркские газеты, особенно в разделе, который ведет мистер Уолтер Уинчел. Обычно он проходит там под кличкой Бродвейский Уилли.

– Ну, разумеется. Да-да, припоминаю. Таких молодцов называют плейбоями.

– Совершенно верно, сэр. Он славится своими экстравагантными выходками.

– Ну вот, теперь окончательно вспомнил. Этот тип имеет обыкновение приносить в ночные клубы бомбы со зловонным газом, что, на мой взгляд, все равно что возить уголь в Нью-касл, а когда получает деньги по чеку в банке, то сует кассиру под нос «кольт» со словами: «Спокойно, это ограбление».

– И еще... Нет, сэр, сожалею... выскользнуло из памяти.

– Что выскользнуло?

– Так, незначительная подробность, сэр, касающаяся мистера Артроуза. Если вспомню, я вам сообщу, сэр.

– Да, пожалуйста. Хотелось бы иметь полную картину. Ах, черт!

– Сэр?

– Нет, ничего. Просто вдруг пришло в голову... Хорошо, Дживс, отчаливайте, не то на поезд опоздаете. Желаю вам крупных кроваток, да побольше.

Теперь я скажу вам, что именно мне пришло в голову. Я уже говорил, как мало меня вдохновляет перспектива проживания в одном доме с Бобби Уикем и Обри Апджоном, ведь никому не ведомо, какие плоды принесет такое соседство. Когда же я представил, что в дополнение к этим двум обормотам мне придется постоянно находиться бок о бок с нью-йоркским плейбоем, у которого явно не все дома, я стал думать, что этот визит не для хрупкого здоровья Бертрама, и почувствовал искушение послать телеграмму с извинениями и никуда не ехать.

Потом вспомнил кулинарные изыски Анатоля и вновь укрепился духом. Кто хоть раз их вкусил, не в состоянии добровольно лишиться себя деликатесов этого волшебника. Какие бы душевные муки ни были уготованы мне в Бринкли-Корте, пребывание там даст возможность насладиться паштетом из гусиных печенок, вымоченных в шампанском, и мечтой гурмана из цыплят «Маленький герцог». Но ловушки, но каверзы, которые ждут меня в вустерширской глухомани! Что греха таить, при мысли о них я почувствовал себя очень неуютно, и, когда я закуривал утреннюю сигарету, рука моя заметно дрожала.

В эту минуту сильнейшего нервного напряжения снова зазвонил телефон, и я подскочил на месте, словно услышал трубу архангела, сзывающего грешников на Страшный суд. Когда я снял трубку, меня трясло, как в лихорадке.

Голос на другом конце провода явно принадлежал какому-то дворецкому.

– Мистер Вустер?

– Он самый.

– Доброе утро, сэр. С вами желает поговорить ее светлость леди Уикем, сэр. Мистер Вустер у телефона, миледи.

И я услышал в трубке голос матери Бобби.

Должен вам заметить, что во время моей содержательной беседы с дворецким до моего слуха доносились звуки, похожие на отдаленные рыдания, эдакое музыкальное сопровождение. Теперь стало очевидно, что звуки эти исходят из гортани вдовы покойного сэра Катберта. Ей не сразу удалось подавить рыдания и заставить работать голосовые связки, и, пока я ждал, я старался найти ответ на две мучившие меня загадки: первая – с какой стати эта дама вдруг решила мне позвонить, и вторая – уж если позвонила, то ведь не для того же, чтобы часами рыдать в трубку.

Меня особенно занимала загадка номер один, потому что после случая с грелкой наши отношения с родительницей Бобби оставались несколько натянутыми. Для меня, разумеется, не секрет, что в ее глазах я не намного лучше самых отпетых представителей преступного мира. Я это знаю со слов самой Бобби, которая весьма живо изобразила в лицах разговор обо мне между ее матушкой и сочувственно поддакивающими подругами, и, должен признаться, ее отношение меня не удивляет. Какой хозяйке, предоставляющей гостеприимство другу своей

дочери, понравится, что юный гость шастает по всему дому в три часа утра, протыкает людям грелки и после этого спокойно исчезает, не потрудившись попрощаться. Да, я вполне понимаю ее чувства, и именно поэтому меня так удивило, что она вдруг пожелала со мной говорить. Зная ее аллергическую реакцию на Бертрама Вустера, я был уверен, что она скорее умрет, чем позвонит мне по телефону. Однако вот позвонила.

– Мистер Вустер?

– Доброе утро, леди Уикем.

– Вы меня слушаете?

Я заверил ее, что слушаю, и она опять взяла тайм-аут, чтобы порыдать. Потом она заговорила гортанным, осипшим голосом, словно исполнительница цыганских романсов, у которой в горле застряла рыба кость.

– Так это правда?

– Простите?

– О Боже, Боже, Боже мой!

– Я не совсем понимаю...

– Сегодня... в утренней «Таймс»...

Я очень быстро соображаю, а потому догадался, что в номере «Таймс», опубликованном сегодня утром, по-видимому, напечатано нечто, по какой-то причине огорчившее ее, однако почему она выбрала именно меня, чтобы излить свое горе, оставалось для меня тайной за семью печатями. Я решил провести необходимые изыскания в надежде подобрать ключ к этой тайне, но в дополнение к рыданиям она вдруг захохотала, как гиена, и я своим чутким ухом уловил, что у нее началась истерика. Я не успел и рта раскрыть, как услышал глухой звук, дающий основание предположить, что где-то на землю упало некое твердое тело, и, когда разговор возобновился, оказалось, что в игру снова вступил дворецкий – видимо, в качестве дублера своей хозяйки.

– Мистер Вустер?

– Да, слушаю.

– С огорчением должен сообщить вам, что ее светлость упала в обморок.

– А-а, то-то я слышал, что-то грохнулось.

– Это была ее светлость, сэр. Большое спасибо, сэр. До свидания.

Он повесил трубку и вернулся к своим служебным обязанностям, в числе которых наверняка значились и такие, как необходимость расшнуровать даме корсет и поднести к носу жемчужные перья, а мне, лишившемуся информации с места боевых действий, не оставалось ничего иного, как размышлять над создавшимся положением.

Я решил, что разумнее всего найти номер «Таймс» и посмотреть, что он может нам предложить в плане разъяснения. Я не часто заглядываю в эту газету и за завтраком предпочитаю читать «Миррор» или «Мейл», но Дживс ее регулярно покупает, и я иногда ее у него беру, чтобы порешать кроссворд. Возможно, он оставил сегодняшний номер на кухне, и так оно и оказалось. Я принес газету в комнату, поудобнее устроился в кресле, закурил еще одну сигарету и принялся изучать содержание номера.

При беглом просмотре мне не удалось обнаружить там ничего «обморочного». Герцогиня такая-то присутствовала на открытии благотворительного базара в Уимблдоне, была статья, посвященная ловле лосося на Аляске, член кабинета министров произнес речь об условиях труда в хлопчатобумажной промышленности, но я не обнаружил в этих заметках ничего такого, что могло бы привести к потере сознания. В равной мере мне представлялось маловероятным, чтобы леди Уикем могла грохнуться на пол, прочитав, что Герберт Робинсон (26 лет) из Гров-Роуд, Пондерс-Энд, угодил за решетку за кражу пары зеленых брюк в желтую клеточку. Я перешел к новостям крикета. Возможно, кто-то из ее друзей упустил вчера шанс победить в матче на первенство графства из-за ошибки судьи на линии?

Лишь дойдя до последней страницы, где помещен раздел «Рождения и браки», я удосужился взглянуть в колонку «Помолвки» и тут же вылетел из кресла с такой стремительностью, как будто пружина проткнула обивку сиденья и впилась мне в мягкие ткани.

– Дживс! – завопил я и тотчас вспомнил, что его уже унес прочь ветер странствий. Мне стало ужасно горько на душе, ибо бывают минуты, когда мне жизненно необходимы его совет и помощь, и сейчас настала та самая минута. Все, что я смог сделать, выступая solo, – это издать замогильный стон и закрыть лицо руками. И хотя в ушах моих уже звучит неодобрительное шиканье публики при виде такого постыдного малодушия, то, что я там прочел, его оправдывает. А написано там было вот что:

«ПРЕДСТОЯЩИЕ БРАКОСОЧЕТАНИЯ

Объявлено о помолвке Бертрама Уилберфорса Вустера из Беркли-Мэншнс и Роберты, дочери покойного сэра Катберта Уикема и леди Уикем из Скелдинг-Холла, графство Хартфоршир».

Глава 3

Я уже упоминал, что, поддавшись шарму Роберты Уикем, я несколько раз подкатывался к ней с предложениями о брачном союзе, но, клянусь, она всякий раз эти предложения отвергала, причем в форме – я хочу подчеркнуть это особо, – исключаяющей малейшие сомнения в искренности ее отказа. По-моему, если порядочный человек предлагает девушке руку и сердце, а та в ответ лишь хохочет как сумасшедшая и советует ему не быть ослом, то человек этот имеет все основания полагать, что его предложение отклонено. Поэтому, когда я прочитал объявление в «Таймс», мне лишь оставалось предположить, что во время одной из таких попыток она, потупив глазки, пролепетала «да», а я почему-то отвлекся и пропустил ее слова мимо ушей. Но хоть убей – не помню, когда такое случилось.

Теперь вам нетрудно понять, почему на следующий день, когда Бертрам Вустер вышел из своего спортивного авто у дверей Бринкли-Корта, вокруг глаз у него чернели круги, башка трещала по всем швам, а сам он спрашивал себя, какого дьявола все это значит? Я был в полнейшей растерянности. Первое, что мне следует сделать, это разыскать мою невесту и потребовать, чтобы она внесла свой скромный вклад – ну, в смысле прояснила ситуацию.

Вокруг не было ни души, как это часто бывает в загородном доме в погожий день. В положенное время все соберутся пить чай на лужайке, но сейчас я не видел ни одного дружелюбно настроенного туземца, который бы сказал, где можно найти Бобби. Поэтому я пустился бродить по парку в надежде, что случайно ее встречу. Жаль, я не прихватил с собой пару ищеек, потому что поместье у Траверсов обширное, а солнце сияло вовсю, впрочем, как вы понимаете, только в небесах, но отнюдь не в моей душе.

Я плелся по заросшей мхом тропинке, утирая со лба трудовой пот, как вдруг до моих ушей донесся голос – кто-то, вне всякого сомнения, читал вслух стихи, и в следующее мгновение я натолкнулся на парочку, бросившую якорь под развесистым деревом, в месте, которое именуется здесь Тенистой поляной.

Не успели они появиться в поле моего зрения, как небеса задрожали от оглушительного лая. Эти звуки произвела маленькая такса, которая неслась ко мне с явным желанием узнать, что у меня внутри. К счастью, лучшая часть собачьей натуры, видимо, взяла верх, ибо, прибыв к цели своего путешествия, пес ракетой взвился в воздух и лизнул меня в подбородок, показывая всем своим видом, что нашел в Бертраме Вустере тот идеал, который он искал давно и безуспешно. Я еще прежде заметил, что собаки начинают испытывать ко мне дружеские чувства, как только я оказываюсь в пределах досягаемости их обоняния. Несомненно, это связано с какими-то особенностями исходящего от Вустеров запаха, который положительно воздействует на их подсознание. Я пощекотал его за правым ухом, потом почесал спинку и, покончив со светскими любезностями, перенес внимание на поэтическую парочку.

Декламированием стихов была занята мужская половина труппы – рыжеватый тощий тип с усиками, сложением и обликом смахивающий на Дэвида Найвена. Вне всякого сомнения, был это не Обри Апджон, – ага, стало быть, Уилли Артроуз; правда, несколько странно, что он изъясняется стихами. Когда речь идет о нью-йоркском плейбое, печально известном своими похождениями, невольно ждешь от него прозы, причем самого низкого пошиба. Но, видать, и у плейбоев бывают минуты слабости.

Его спутницей оказалась миниатюрная, но весьма фигуристая барышня, которая не могла быть никем иным, как Филлис Миллс, о которой мне рассказывал Селедка. «Славная девушка, хоть и глуповата», – сказал он про нее, одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в правоте его слов. С годами вырабатывается способность безошибочно распознавать глупость в особях противоположного пола, а у этого экземпляра я заметил то выражение младенческой наивности, которое свидетельствует если не о полном отсутствии ума, как у некоторых знако-

мых дам, то, во всяком случае, о его несомненной скудости. Готов поспорить, она сюсюкает по любому поводу и без повода.

Что она тотчас же и доказала, спросив, правда ведь, Крошка – так звали ее таксу – «преlestь» и «сладенький песик»? Я сухо согласился, ибо предпочитаю более краткую и общепринятую форму «пес», после чего она заметила, что я, по всей видимости, племянник миссис Траверс, Берти Вустер, что, как вы знаете, полностью соответствует действительности.

– Я слышала, вы должны сегодня приехать. Меня зовут Филлис Миллс, – продолжала она, и я ответил, что так я и думал и что Селедка передает ей большущий привет, на что она воскликнула: – Как, Реджи Сельдинг? Ужасный душка, верно? – И я согласился, что его смело можно отнести к этой категории и что среди душек он занимает не последнее место, на что она сказала: – Да, он просто лапонька.

Во время нашего диалога Уилберт Артроуз оставался не у дел, вроде тех второстепенных персонажей, которых художники изображают на заднем плане картины: он хмурил брови, пощипывал усики, шаркал ногами и подергивал прочими частями тела, стараясь дать мне понять, что, по его мнению, здесь стало чересчур многолюдно и что вернуть Тенистой поляне прежнее очарование сможет только немедленное исчезновение Вустеров. Воспользовавшись паузой в разговоре, он спросил:

– Вы кого-то ищете?

Я ответил, что ищу Бобби Уикем.

– На вашем месте я бы продолжил поиски. Уверен, вы ее обязательно найдете.

– Кого, Бобби? – спросила Филлис Миллс. – Она на озере, удит рыбу.

– Тогда идите вот по этой тропинке, – просиял Уилберт Артроуз, – повернете направо, потом сразу налево, снова направо и выйдете к озеру. Проще простого. Мой совет – отправляйтесь немедленно.

Ну, это уж слишком: меня, связанного с Тенистой поляной, можно сказать, кровными узами, фактически выгоняет какой-то посторонний, но тетушка Далия ясно дала понять, что мы ни в чем не должны перечить членам семейства Артроуз, поэтому я последовал его совету и зашагал в сторону озера, воздержавшись от ответных реплик. Отойдя на некоторое расстояние, я вновь услышал за спиной вдохновенные поэтические рулады.

Хотя водоем в Бринкли гордо именуется озером, говоря по совести, это скорее начинающий пруд. Но все же достаточно большой, чтобы прокатиться на плоскодонке. И для любителей катаний здесь устроен небольшой причал с навесом для лодок. На этом-то причале и сидела Бобби с удочкой в руках, и я, стремительно преодолев разделявшее нас пространство, оказался у нее за спиной.

– Привет, – сказал я.

– Привет от старых штиблет, – отвечала она. – А, это ты, Берти? Уже приехал?

– В наблюдательности тебе не откажешь. Не могла бы ты уделить мне минуту твоего драгоценного времени, прекрасная дама?

– Погоди, кажется, клюет. Нет, показалось. Так что ты говоришь?

– Я говорю, что...

– Да, кстати, сегодня утром я разговаривала с мамой.

– А я с ней беседовал вчера.

– Так и знала, что она тебе позвонит. Ты видел объявление в «Таймс»?

– Прочел собственными глазами.

– Наверное, сначала удивился?

– Я и сейчас удивляюсь.

– Я тебе все объясню. Эта идея пришла ко мне как озарение свыше.

– Выходит, ты запустила эту «утку»?

– Конечно.

– Но зачем? – спросил я, беря, по своему обыкновению, быка за рога.

Я думал, она смутится. Ничуть не бывало!

– Чтобы приготовить путь Реджи.

Я провел рукой по вспотевшему лбу.

– Видно, у меня что-то случилось со слухом – прежде он всегда был превосходным, – сказал я. – Мне послышалось, ты сказала: «Чтобы приготовить путь Реджи».

– Ну да. Прямыми сделать стези ему. Хочу, чтобы мама примирилась с мыслью о Реджи.

Я провел другой рукой по вспотевшему лбу.

– А сейчас мне послышалось, будто ты сказала: «Чтобы мама примирилась с мыслью о Реджи».

– Именно так я и сказала. Все предельно просто. Объясняю специально для особо непонятливых. Я люблю Реджи. Реджи любит меня.

Я все равно не понял:

– Какой Реджи?

– Реджи Сельдинг.

Я чуть не упал.

– Как, Селедка?

– И не называй его, пожалуйста, Селедкой.

– Да я его всю жизнь так зову. В конце концов, – сказал я, смягчаясь, – если мальчик с фамилией Сельдинг попадает в частную школу на южном побережье Англии, какую кличку могут дать ему одноклассники? Но когда это ты успела его полюбить, а он – тебя? Ты же его в глаза не видела.

– Еще как видела. Мы останавливались в одном отеле в Швейцарии на прошлое Рождество. Я учила его кататься на лыжах, – сказала она, и лучистые звезды, которые она носит на лице в качестве глаз, затуманились от нежности. – Я помогла ему подняться, когда он рухнул на склоне для начинающих. У него обе ноги закрутились вокруг шеи вроде шарфа. Думаю, именно в эту минуту в моей душе впервые пробудилась любовь. Сердце мое растаяло, пока я распутывала его ноги.

– И ты над ним не смеялась?

– Конечно, нет. Я была само понимание и сочувствие.

Тут я наконец осознал, насколько это серьезно. У Бобби весьма развито чувство юмора, и воспоминание о ее реакции на то, как в Скеддингсе я наступил в саду на грабли и рукоятка засветила мне по носу, до сих пор хранится в золотом фонде моей памяти. С ней тогда судороги сделались от смеха. И если она не померла со смеха при виде такого зрелища, как Реджинальд Сельдинг с закрученными вокруг шеи ногами, значит, речь действительно идет о глубоком и сильном чувстве.

– Хорошо, – сказал я. – Допустим, у тебя с Селедкой все обстоит именно так, как ты сказала. Но зачем в таком случае трубить на весь свет, что ты помолвлена со мной, если только возможно трубить в письменной форме?

– Я же тебе объяснила. Для того, чтобы примирить маму.

– Звучит как бред сумасшедшего – прямой репортаж из желтого дома.

– Ты что же, не понял моего гениального плана?

– По-прежнему нахожусь в нескольких парсеках от намека на понимание.

– Ты ведь знаешь, какой репутацией ты пользуешься у моей мамы?

– Наши отношения нельзя назвать слишком теплыми.

– При одном твоём имени её трясёт. Вот я и решила, что, если она подумает, будто я собираюсь за тебя замуж, а потом узнает, что на самом деле вовсе и не собираюсь, она будет так счастлива моему чудесному избавлению, что с радостью примет любого зятя, даже такого, как Реджи. Он хоть и прекрасный человек, но не блещет ни знатностью, ни богатством. По

маминым понятиям, я должна выйти либо за дельца-миллионера, либо за герцога с большим личным состоянием. Теперь понимаешь?

– Да, отлично понимаю. Дживс это называет «сыграть на особенностях психологии индивидуума». Но ты уверена, что план сработает?

– Обязательно сработает. Рассмотрим сходную ситуацию. Предположим, в одно прекрасное утро тетя Далия прочтет в газете, что на рассвете тебя расстреляют.

– Исключено. Я в такую рань не встаю.

– Предположим, она все-таки прочтет. Она же здорово расстроится, верно?

– Еще бы! Могу себе представить – она во мне души не чает. Не стану отрицать, что иногда ее манеры кажутся грубоватыми. В детстве она частенько награждала меня подзатыльниками, а когда я вступил в более зрелую пору, не раз советовала мне повесить на шею кирпич и утопиться в пруду за домом. Тем не менее она любит своего Бертрама, и, если услышит, что на рассвете я буду расстрелян, она будет страдать, как от острой зубной боли. Ну и что? При чем здесь это?

– А теперь представь: ей говорят, что произошла ошибка, расстрел грозит не тебе, а кому-то другому. Разве она не обрадуется?

– Да она будет просто плясать от радости.

– Вот именно. И что бы ты ни сделал, ей все будет казаться замечательным. Какую бы глупость ты ни придумал, она придет в восторг. «Делай, как считаешь нужным», – только и скажет она тебе. То же самое почувствует моя мама, когда узнает, что я не выхожу за тебя замуж. Она испытает чувство огромного облегчения.

Я согласился, что облегчение и вправду будет огромным.

– Но ты ведь откроешь ей истинное положение дел через денек-другой? – спросил я: мне было очень важно заручиться гарантиями по этому пункту. Человек, над которым тяготеет объявление о помолвке в «Таймс», не может чувствовать себя в безопасности.

– Ну, скажем, через неделю-другую. В таких делах не следует торопиться.

– Нужно время, чтобы микстура начала действовать?

– В этом вся суть.

– А что требуется от меня? То и дело покрывать тебя страстными поцелуями?

– Нет, это лишнее.

– Как скажешь. Просто я хочу понять свою роль.

– Достаточно периодически бросать на меня томные взгляды.

– Будет сделано. Что ж, ужасно рад за тебя и Селедку, или, как ты предпочитаешь его называть, Реджи. Если и есть на свете человек, с кем мне хотелось бы видеть тебя у алтаря, так это он.

– Ты очень мужественно принял эту новость.

– Ладно, чего уж там.

– Я тебя ужасно люблю, Берти.

– Я тебя тоже.

– Но ведь я не могу выйти замуж за всех, верно?

– И не пытайся. Что ж, теперь, когда все прояснилось, я, пожалуй, пойду доложусь о прибытии тете Далии.

– А который час?

– Почти пять.

– Господи, мне надо бежать. Я сегодня за хозяйку во время чая.

– Ты? А где тетя Далия?

– Уехала. Когда она вчера вечером вернулась из Лондона, ее ждала телеграмма из школы – ее сын, Бонзо, заболел. Она попросила меня побыть за хозяйку до ее возвращения, но мне придется уехать на несколько дней, нужно срочно встретиться с мамой. С тех пор как она

прочла это объявление в «Таймс», она бомбардирует меня телеграммами с просьбой приехать и сесть за стол переговоров. Что значит «имбецил»?

– Не знаю. А что?

– Именно так она называет тебя в последней из них. Цитирую: «Не могу понять, как тебе пришло в голову выйти за этого имбецила». Конец цитаты. Думаю, это слово означает примерно то же, что и «дебил» – так она охарактеризовала тебя в предшествующем послании.

– Звучит обнадеживающе.

– Да, все идет как нельзя лучше. После тебя Реджи пройдет на ура, как освежающий фруктовый десерт. Она встретит его с распростертыми объятиями.

И с прощальным воинственным воплем она чесанула в сторону дома со скоростью двадцать миль в час, не меньше. Я проследовал за ней, правда, в более медленном темпе, потому что наш разговор дал мне обильную пищу для размышлений.

Я пытался понять, в силу какого каприза природы в сердце юной Уикем возникло столь сильное чувство к моему другу Селедке. В самом деле, обратимся к фактам. Ведь при ее привлекательности – действительно наивысшего класса – у нее от женихов просто отбоя нет. Она много лет упорно отказывала всем претендентам, поэтому в конце концов сложилось мнение, что удовлетворить ее высоким требованиям сможет лишь некий экстра-суперпоклонник, заветный приз сорвет лишь сказочный принц, совершенство во всех отношениях. А она взяла и выбрала Селедку.

Только не подумайте, будто я что-то имею против старины Сельдинга. Он, что называется, соль земли. Но что касается внешности, в нем нет ничего сногшибательного. Он с ранней юности увлекался боксом, и отсюда это изуродованное ухо, про которое я говорил тете Далии, вдобавок неведомая мне рука свернула ему нос несколько в сторону. Короче говоря, я бы никому не посоветовал ставить на него на конкурсе красоты, даже если его единственными соперниками будут Борис Карлофф, Кинг-Конг и Богач Поссер из «Трутней».

Но не будем забывать, что внешность – далеко не все. За изуродованным ухом может скрываться золотое сердце, а у Селедки сердце действительно золотое, причем золото это самой высокой пробы. Да и ум играет в таких делах не последнюю роль. Чтобы удержаться на редакторском месте в солидном лондонском еженедельнике, нужно обладать изрядным запасом серого вещества, и ни одна девушка не может этого не оценить. И следует учесть, что претенденты, которых Роберта все эти годы отвергала, относились по большей части к подвиду охотников и рыболовов: буркнув «Чего?» и похлопав себя по ляжке арапником, они считают культурную программу законченной. На этом фоне Селедка, несомненно, блистал прелестью новизны.

Но при всем при этом ситуация, как я уже говорил, давала пищу для размышлений, и, направляясь в сторону дома, я пребывал в состоянии глубокой задумчивости – вряд ли хоть один букмекер принял бы ставку даже из расчета один к тридцати на то, что я не влеплюсь во что-нибудь лбом по дороге. И я вскорости вцепился. Я мог налететь на дерево, на куст или на садовую скамейку. Но судьбе было угодно, чтобы я налетел на Обри Апджона. Не успел я повернуть за угол дома, как врезался в него на всем ходу. Я обхватил его за шею, его руки обвились мою талию, и чуть не целую минуту мы, слившись в страстном объятии, топтались взад-вперед. Но вот пелена тумана спала с моих глаз, и я увидел, с кем я вальсирую. Разглядев его «во всей целостности и полноте», как любит выражаться Дживс, я был поражен, до чего же он изменился со времени наших встреч в его кабинете в Малверн-Хаусе, Брамли-он-Си, когда с замирающим сердцем я наблюдал, как он достает бамбуковую трость и делает несколько пробных взмахов для разминки мышц плечевого пояса. В тот период нашего знакомства он мне запомнился как статный пожилой джентльмен – ростом под потолок, глаза горят, из ноздрей пламя пышет. Теперь он скукожился до низкорослого старикашки, я мог бы одной левой сбить его с ног.

Чего я, разумеется, делать не стал. Но от моего прежнего трепета не осталось и следа. Неужели мне казалось когда-то, что сей представитель семейства членистоногих может одним лишь взглядом остановить мчащийся поезд?

Думаю, дело в том, что с тех пор он отрастил усы. Пятнадцать лет назад, в эпоху Малверн-Хауса, именно широкая голая верхняя губа вселяла леденящий ужас в наши детские души; это было совершенно невыносимое зрелище, особенно когда он ею подергивал. Не скажу, чтобы усы смягчили его лицо, но они, во всяком случае, скрыли какую-то его часть, что уже хорошо. В результате, вместо того чтобы, как я предполагал, оцепенеть от страха при встрече, я повел себя с ним очень непринужденно и светски – возможно, даже чересчур.

– А, здравствуйте, Апджон, – сказал я. – Как поживаете?

– Вы кто? – спросил он.

– Я – Вустер.

– Ах, Вустер, – сказал он, и в голосе его послышалось разочарование, словно он надеялся, что на моем месте окажется кто-то другой, и, разумеется, его можно понять. Не сомневаюсь, он, как и я, все эти годы утешался мыслью, что больше мы никогда не встретимся и что, какие бы каверзы ни уготовила ему судьба, уж от Бертрама-то он навсегда избавился. Могу себе представить, какой шок испытал этот старый болван, когда я вдруг выскочил из небытия, как черт из табакерки.

– Давненько не видались, – сказал я.

– Да, – мрачно подтвердил он, явно показывая, что, будь его воля, мы бы не увиделись до Страшного суда. В результате разговор увял, и, пока мы шли по газону к чайному столу, наш диалог даже с большой натяжкой трудно было бы назвать пиром мысли и духа. Разве что я заметил: «Отличный сегодня денек, а?» – а он в ответ вроде как хрюкнул.

Когда мы добрались до кормушки, то застали там одну лишь Бобби. Уилберт и Филлис остались на Тенистой поляне, а миссис Артроуз, как объяснила нам Бобби, обычно в это время трудится над новым морозпокожным романом и редко спускается к чаю. Мы уселись за стол и только поднесли к губам чашки, как из дома вышел дворецкий с блюдом фруктов и направился в нашу сторону.

Я называю его дворецким за неимением более подходящего слова. Одет он был, как дворецкий, и вел себя, как дворецкий, но с точки зрения исконного и истинного смысла слова дворецким не был.

Это был сэр Родерик Глоссоп.

Глава 4

В клубе «Трутни» и во многих других местах, где мне случается бывать, вы нередко можете услышать рассказы о самообладании и хладнокровии, присущим Бертраму Вустеру, – все единодушно сходятся на том, что я весьма щедро наделен этими чертами характера. Думаю, многие считают меня суперменом со стальными канатами вместо нервов, вроде тех, про которых пишут в книжках, и я не стану опровергать это мнение. Но и в моей броне можно пробить брешь, для этого достаточно выпустить на лужайку всемирно известных психиатров, наряженных дворецкими.

Я не мог ошибиться, предположив, что именно сэр Родерик Глоссоп поставил на стол фрукты и теперь семенил по лужайке обратно к дому. Только один человек в мире может похвастаться таким огромным лысым черепом и такими кустистыми бровями. Сказать, что я не был потрясен, значило бы ввести в заблуждение мировую общественность. Внезапное появление призрака заставило меня вздрогнуть, а всем известно, что случается, когда человек вздрагивает, держа в руках полную чашку чая. Содержимое чашки выплеснулось прямо на брюки магистра гуманитарных наук Обри Апджона, значительно их увлажнив. Я не слишком погрешу против истины, если скажу, что чай составлял теперь более существенную часть его наряда, нежели сами брюки.

Было видно, что он принял это обстоятельство очень близко к сердцу, поэтому меня удивило, что бедолага ограничился лишь безобидным междометием. По-видимому, людям, занимающим видное общественное положение, приходится быть сдержанными в выражениях. Если они начнут чертыхаться и изрыгать проклятия, это может произвести неблагоприятное впечатление, такое удовольствие могут позволить себе только рядовые граждане.

Впрочем, порой все понятно без слов. Во взгляде, которым он меня одарил, я прочел не менее сотни непечатных эпитетов. Так скорый на руку помощник капитана грузового парохода глядит на проштрафившегося матроса.

– Вижу, вы не изменились с тех пор, как покинули Малверн-Хаус, – сказал он с раздражением, вытирая брюки носовым платком. – Растяпа Вустер – так мы его всегда звали, – продолжал он, обращаясь к Бобби и явно рассчитывая на ее сочувствие. – Простейшего дела не мог сделать, даже такого, как взять в руки чашку с чаем, он постоянно сеял вокруг себя хаос и разрушение. У нас в Малверн-Хаусе так и говорили: если в комнате, где находится Вустер, стоит хотя бы один стул, он его обязательно опрокинет. Каков человек в детстве, таков он и в старости.

– Ради Бога, извините, – сказал я.

– Что толку от ваших извинений? Испортили мне новые брюки. Разве выведешь пятна чая с белой фланели. Впрочем, будем надеяться на лучшее.

Не знаю, правильно ли я поступил, похлопав его по плечу и воскликнув: «Вот она – истинно британская стойкость!» Скорее всего нет, потому что мое восклицание его не утешило. Он еще раз свирепо на меня глянул и большими шагами направился к дому, распространяя вокруг себя аромат чая.

– Знаешь что, Берти, – сказала Бобби, задумчиво провожая его взглядом. – По-моему, Апджон не возьмет тебя на экскурсию вместе с остальными мальчиками. Боюсь, ты в этом году не получишь от него подарка на Рождество и не рассчитывай, что сегодня вечером он придет в спальню заботливо поправить тебе одеяло.

Властным взмахом руки я опрокинул молочник.

– К черту Апджона, к черту его подарки и экскурсии. С какой стати папаша Глоссоп вырядился дворецким?

– Я так и знала, что ты спросишь. Я и сама собиралась тебе потом рассказать.

– Расскажи сейчас.

– Видишь ли, это была его идея.

Я сурово взглянул на нее. Бертрам Вустер ничего не имеет против, если кто-то слегка привирает, желая сделать рассказ более занимательным, но слушать бред буйнопомешанного – благодарю покорно.

– Его идея?

– Да.

– Ты думаешь, я поверю, будто в одно прекрасное утро сэр Родерик Глоссоп проснулся, посмотрел на себя в зеркало, решил, что он сегодня бледнее обычного, и сказал себе: «Пожалуй, мне нужна небольшая встряска. Не пойти ли мне в дворецкие?»

– Ну, не так, конечно... Не знаю даже, с чего начать.

– Начни сначала. Смелее, Б.Уикем, нечего ходить вокруг да около. – И я с вызывающим видом положил себе на тарелку кусок пирога.

Мой непреклонный тон явно задел ее за живое и раздул пламя, всегда тлеющее в этой багряноголовой угрозе общественному спокойствию, ибо она недовольно нахмурилась и сказала, чтобы я ради всего святого перестал пялиться на нее, как дохлая камбала.

– У меня есть полное право пялиться на тебя, как дохлая камбала, – холодно отвечал я, – и я буду пялиться столько, сколько сочту нужным. Я нахожусь в состоянии сильного нервного стресса. Если в дело замешана ты, жизнь сразу же превращается в ад, и я полагаю, что вправе требовать объяснений. Итак, я жду.

– погоди, дай мне собраться с мыслями.

Она задумалась и после непродолжительного перерыва, за время которого я доел кусок пирога, начала свой рассказ.

– Пожалуй, я начну с Апджона, потому что это он во всем виноват. Понимаешь, он вбил себе в голову, что Филлис должна выйти замуж за Уилберта Артроуза.

– Ты говоришь «вбил себе в голову» ...

– Вот именно: «вбил себе в голову». А когда такой человек что-то вобьет себе в голову, другим лишь остается уступить, особенно если речь идет о такой рохле, как Филлис, которая слова не скажет папочке поперек.

– Что, совсем нет своей воли?

– Ни капли. Вот для примера: пару дней назад он возил ее в Бирмингем на представление «Чайки» Чехова, решил, что это полезно для общего развития. Хотела бы я поглядеть на того, кто заставит меня пойти на «Чайку», но Филлис только кивнула и сказала: «Хорошо, папа». Даже не попыталась возразить. Теперь видишь, сколько у нее собственной воли.

Да, это уж, признаюсь. Ее рассказ произвел на меня сильное впечатление. Я знаю, что такое чеховская «Чайка». Тетя Агата как-то попросила меня сводить ее сына Тоса на представление в «Олд Вик», и должен сказать, что необходимость напряженно следить за абсурдными действиями героев по имени Заречная и Медведенко и при этом постоянно быть начеку, чтобы вовремя пресечь попытки Тоса улизнуть из зала на волю, сделала мои страдания просто невыносимыми. Так что после рассказа Бобби я уже ни секунды не сомневался в том, что Филлис Миллс принадлежит к той категории девиц, чье жизненное кредо – «Папа лучше знает». Уилберту достаточно будет сделать предложение, и она поставит свою подпись там, где помечено галочкой, потому что так хочет Апджон.

– Твоя тетя просто в ужасе.

– Так она против?

– Еще бы она была не против! Ты же часто бываешь в Нью-Йорке и наверняка слышал об этом Уилле Артроузе.

– Да, до меня дошли слухи о его выходках. Он известен там как плейбой.

– Твоя тетка считает, что он просто чокнутый.

– По-моему, у всех этих ребят мозги набекрень. Что ж, теперь понятно, почему она против этого брака. Но, – сказал я, как всегда безошибочно выделяя суть вопроса, – это никак не объясняет присутствие папаши Глоссоба в доме моей тети.

– Очень даже объясняет. Она пригласила его наблюдать за Уилбертом.

Я опять перестал что-либо понимать.

– То есть следить за ним? Не спускать с него глаз? Но какой в этом толк?

Она нетерпеливо фыркнула.

– Он должен наблюдать за ним как врач. Ты знаешь, как работают психиатры. Внимательно следят за поведением пациентов. Вступают с ними в беседы. Незаметно проводят разные тесты. И рано или поздно...

– Кажется, понимаю. Рано или поздно он ляпнет что-то вроде того, что он чайник или папа римский, и тогда его упекут куда следует.

– Ну да, он чем-нибудь себя выдаст. Твоя тетя пожаловалась, что она просто в отчаянии, и тут меня озарило – надо пригласить Глоссоба. Ты ведь знаешь, как у меня случаются эти озарения свыше.

– Еще бы. Никогда не забуду историю с грелкой.

– Да, это хороший пример.

– Ха!

– Ты что-то сказал?

– Я сказал: «Ха!»

– Почему ты сказал «Ха!»?

– Потому что, когда я вспоминаю эту кошмарную ночь, мне хочется сказать «Ха!».

Мне показалось, она признала справедливость моих слов. Ненадолго умолкла – видимо, чтобы съесть сандвич с огурцом, – и продолжила свой рассказ:

– Поэтому я сказала твоей тете: «Я знаю, что нужно сделать. Пригласите сюда Глоссоба – и пускай он понаблюдает за Уилбертом Артроузом. Тогда вы сможете прийти к Аппджону и подложить ему свинью».

Я снова перестал что-либо понимать. Насколько я помню, ни о какой свинье до сих пор речи не было.

– О чем это ты?

– Господи, какой ты бестолковый. «Тащите сюда своего друга Глоссоба, – сказала я, – и пусть он сделает свои выводы. После этого вы сможете сказать Аппджону, что сэр Родерик Глоссоб, виднейший психиатр Англии, убежден, что у Уилберта Артроуза не все дома, и спросите его, правда ли, что он хочет выдать свою падчерицу за человека, который в любую минуту может пополнить список обитателей психушки?» Думаю, после этого даже у Аппджона не хватит наглости настаивать на этом браке. Или ты так не считаешь?

Я тщательно взвесил ее слова.

– Пожалуй, ты права, – сказал я. – Вполне возможно, что и Аппджону не чужды человеческие чувства, хотя я ни разу не имел возможности в этом убедиться, когда находился *in statu pupillari*³. Хорошо, теперь мне понятно, зачем Глоссоб приехал в Бринкли-Корт. Но почему он выступает в роли дворецкого?

– Я же тебе объяснила – это была его идея. Он сказал, что при его всемирной известности, если он объявится здесь под своим именем, это может вызвать подозрения миссис Артроуз.

– А, понимаю. Она заметит, что он наблюдает за Уилбертом, и задумается, с какой это стати...

– ...и быстро смекнет, что к чему...

– ...и завопит: «Какого черта все это значит?...»

³ В обучении (*лат.*).

– Вот именно. Ты приезжаешь погостить, а хозяйка приглашает психиатра проверить, здоров ли твой обожаемый сыночек. Какой матери такое понравится?

– Если же она заметит, что за ее сыном наблюдает дворецкий, она просто подумает: «Какой внимательный дворецкий!» Очень разумно. Поскольку дядя Том надеется заключить важную сделку с Хомером Артроузом, ни в коем случае не следует ее раздражать. Она закатит скандал Хомеру, Хомер взбеленится и скажет: «После того, что произошло, Траверс, я прекращаю переговоры», и дядя Том упустит выгодное дельце. Кстати, а в чем, собственно, оно состоит? Тетя Далия тебе рассказывала?

– Рассказывала, да я не стала вникать. Что-то насчет земли, которой где-то владеет твой дядя, а мистер Артроуз хочет ее купить и понастроить отелей и еще чего-то. Впрочем, не в том суть. Главное в том, что нам надлежит умасливать всех представителей семейства Артроуз в доме, чего бы нам это ни стоило, на этом мы должны сосредоточиться. И – никому ни слова.

– Можешь быть спокойна. Бертрам Вустер не болтун. Он умеет держать язык за зубами. Но почему вы так уверены, что Уилберт Артроуз тронутый? Мне он показался совершенно нормальным.

– А ты что, его видел?

– Мельком. На Тенистой поляне, он читал стихи этой барышне Миллис.

Мое сообщение произвело на нее сильное впечатление.

– Читал стихи? Читал стихи Филлис?

– Именно так. Странное занятие для такого типа. Комические куплеты – да. Если бы он исполнял комические куплеты, я бы еще мог это понять. Но он сыпал виршами из книжек, вроде тех, что переплетают в мягкую красную кожу и продают во время рождественских праздников. Не берусь присягнуть на Библии, но стихи подозрительно смахивают на рубаи Омара Хайяма.

И снова мои слова произвели на нее неизгладимое впечатление.

– Это нужно прекратить, Берти, прекратить как можно скорее. Нельзя терять ни минуты. Ты должен пойти и положить этому конец. Немедленно.

– Кто, я? Но почему я?

– Потому что за этим тебя сюда и позвали. Разве тетя тебе не сказала? Она хочет, чтобы ты как тень следовал за Уилбертом Артроузом и Филлис. Твоя задача состоит в том, чтобы не дать ему возможности сделать ей предложение.

– Ты хочешь сказать, что я должен повсюду таскаться за ними, вроде частного детектива или полицейского шпика? Мне это не по вкусу.

– Вовсе не обязательно, чтобы тебе было по вкусу, – отрезала Бобби. – Просто делай, что тебе велят.

Глава 5

Всю жизнь я был послушной игрушкой в руках слабого пола и поэтому скрепя сердце пошел и положил конец идиллии на Тенистой поляне, как мне было велено. Но на душе у меня было скверно – мало приятного, когда на тебя смотрят, как на назойливую муху, а именно так воспринимал меня Уилберт Артроуз. К моменту моего появления он уже покончил с художественным словом и, взяв Филлис за руку, по всей видимости, говорил ей – или собирался сказать – нечто очень личное и интимное. Услышав мое бодрое «Эй, там», он обернулся, поспешно выпустил из рук девичью лапку и метнул на меня взгляд, очень похожий на тот, которым недавно одарил меня Обри Апджон. Он пробормотал себе под нос, что кто-то – я не расслышал, кто именно, – по-видимому, нанялся сюда сторожем.

– Это опять вы? – сказал он.

Увы, это был опять я. Отрицать это было бы бесполезно.

– Не знаете, чем себя занять? – сказал он. – Почему бы вам не посидеть где-нибудь и не почитать хорошую книжку?

Я объяснил, что просто заскочил сказать, что на лужайке возле дома уже накрыт чай.

– О Господи! – взволнованно пискнула Филлис. – Мне надо бежать. Папа не любит, когда я опаздываю к чаю. Он считает, что это невежливо по отношению к старшим.

Я видел, что с губ Уилберта Артроуза готовы сорваться слова о том, куда, по его мнению, мог бы пойти ее папа вместе со своими взглядами на вежливость по отношению к старшим, но огромным усилием воли он заставил себя сдержаться.

– Пойду погуляю с Крошкой, – сказал он и свистнул собаке, которая обнюхивала мои ноги, наслаждаясь изысканным ароматом Вустеров.

– Так вы не идете пить чай?

– Нет.

– Сегодня горячие булочки.

В ответ он лишь возмущенно фыркнул и широко зашагал прочь в сопровождении низкобрюхого пса, оставив меня с ощущением, что и от него мне вряд ли грозит подарок на Святки. Весь его вид красноречиво свидетельствовал, что мне не удалось расширить круг моих друзей. С таксами у меня никогда не бывает проблем, но попытка подружиться с Уилбертом Артроузом с треском провалилась.

Когда мы с Филлис пришли на лужайку, то, к нашему удивлению, застали за столом только Бобби.

– А где папа? – спросила Филлис.

– Он неожиданно решил уехать в Лондон, – ответила Бобби.

– В Лондон?

– Во всяком случае, так он сказал.

– Но что случилось?

– Понятия не имею.

– Пойду поговорю с ним, – сказала Филлис и упорхнула прочь.

Бобби на минуту задумалась.

– Знаешь, что мне кажется, Берти?

– Что?

– Когда Апджон ушел из-за стола, он был просто в ярости, при этом в руках у него был свежий номер «Рецензий по четвергам». Видимо, прислали с дневной почтой. Он наверняка прочел отзыв Реджи на его книгу.

Вполне правдоподобно. Среди моих знакомых немало писателей (Боко Фиттлуорт – первое имя, которое приходит на ум), и все они неизменно дрожат от ярости, когда читают разгромные отзывы на свои опусы.

– Так ты знаешь про Селедкину статью?

– Да, Реджи мне как-то ее показывал.

– Насколько я понял, очень язвительная штука. Но это не повод мчаться в Лондон.

– Вероятно, Апджон решил узнать у главного редактора, кто написал заметку, и наказать автора хлыстом на ступеньках клуба. Но, разумеется, ему никто ничего не скажет, а так как статья без подписи... А, добрый день, миссис Артроуз.

Последние слова были обращены к высокой тощей даме с хищным ястребиным лицом, похожей, по моим представлениям, на Шерлока Холмса. На носу у нее темнело чернильное пятно – результат работы над остросюжетным романом. Совершенно невозможно написать остросюжетный роман и при этом не испачкать нос чернилами. Спросите у Агаты Кристи или у кого хотите.

– Закончила очередную главу и решила прерваться и выпить чашку чая, – сказала романистка. – Перерабатывать тоже не годится.

– Совершенно верно. Всегда лучше уйти, пока счет в твою пользу. Это племянник миссис Траверс – Берти Вустер, – сказала Бобби, как мне показалось, извиняющимся тоном. Один из многочисленных недостатков Роберты Уикем состоит в том, что когда она представляет меня людям, то делает это с таким видом, словно знакомство со мной – позорный факт ее биографии, о котором она предпочла бы умолчать. – Берти большой ваш поклонник, – добавила она, и совершенно напрасно, поскольку Артроузиха тотчас же восторженно воскликнула, как старая полковая кляча, заслышавшая звук кавалерийской трубы.

– Вот как?

– Нет больше удовольствия, чем устроиться на весь вечер в кресле с одной из ваших замечательных книг, – сказал я, надеясь, что она не станет допытываться, какая из ее книг мне особенно нравится.

– Когда я сказала ему, что вы здесь, он просто прыгал от радости.

– Приятно слышать. Я всегда рада знакомству с читателями. А какая из моих книг вам особенно нравится?

Не успел я промывать: «Ну... э-э-э...», одновременно обдумывая – впрочем, без особой надежды на успех, – удовлетворит ли ее такой ответ, как «все без исключения», как появился папаша Глоссоп, неся на подносе телеграмму для Бобби. Скорее всего от ее матери, где она сообщает новые эпитеты, которыми забыла наделить меня в своих предыдущих посланиях. А может быть, еще раз подтверждает свое прежнее убеждение в том, что я имбецил, и теперь, когда я достаточно поразмыслил, это скорее всего означает «простофиля» или «тупица».

– Спасибо, Макпалтус, – сказала Бобби и взяла телеграмму.

Слава Богу, что на этот раз в руках у меня не было чашки с чаем, потому что, когда я услышал, как она назвала сэра Родерика, я опять непроизвольно вздрогнул, и, будь упомянутая чашка у меня в руках, я бы, подобно идущему по полю сеятелю, расплескал ее содержимое во все стороны. А так я ограничился тем, что метнул сэндвич с огурцом в воздух.

– Ох, извините, – сказал я, когда сэндвич просвистел всего в дюйме от виска Артроузихи.

Можно было не сомневаться, что Бобби тотчас же вмешается в разговор. Эта барышня просто не в состоянии удержаться от комментариев.

– Простите его, пожалуйста, – сказала она. – Мне следовало вас предупредить: Берти готовится выступать в соревнованиях по метанию сэндвичей с огурцом на следующих Олимпийских играх. Так что ему надо постоянно тренироваться.

Мамаша Артроуз задумчиво наморщила лоб – казалось, она не вполне удовлетворена объяснением Бобби. Но из дальнейших слов стало понятно, что ее не столько интересуют мои

недавние действия, сколько поведение Макпалтуса. Она проводила его пристальным взглядом и, когда он скрылся из виду, спросила:

– Этот дворецкий миссис Траверс. Вы не знаете, мисс Уикем, где она его нашла?

– Как обычно – в ближайшем зоомагазине.

– Он представил рекомендации?

– Да, разумеется. Он много лет проработал у сэра Родерика Глоссопа, знаменитого психиатра. Миссис Траверс мне говорила, что сэр Родерик дал ему превосходнейшие рекомендации, они на нее произвели очень сильное впечатление.

Мамаша Артроуз презрительно хмыкнула:

– Рекомендации можно подделать.

– Боже милостивый! С чего это у вас такие мысли?

– Что-то мне в нем не нравится. У него лицо преступника.

– Ну, знаете, то же самое можно сказать и о Берти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.